

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ С. АЛЕКСИЕВИЧ (НА ПРИМЕРЕ «ВРЕМЯ СЕКОНД ХЭНД»)

М. С. Рогачевская

Минский государственный лингвистический университет

Минск, Беларусь

e-mail: marinaragachewska@gmail.com

В статье рассматриваются художественные приемы, присущие документальному роману С. Алексиевич «Время секунд хэнд». Таковыми, помимо монтажа, наличия авторской точки зрения, особого ритма, комплекса мотивов и внутренних смысловых связей, являются типизация образов, травматический пафос, авторское присутствие в ремарках и хромотопичность.

Ключевые слова: гибридность жанра; документальная проза; документальный роман; рецепция; хромотопичность; аллюзивность; типизация; травматический пафос.

FICTIONAL DEVICES IN S. ALEXIEVICH'S DOCUMENTARY PROSE (BASED ON SECOND HAND TIME)

M. S. Ragachewska

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

e-mail: marinaragachewska@gmail.com

The article discusses fictional devices characteristic of S. Alexievich's documentary novel *Second-Hand Time*. Among them, besides montage, the author's point of view, specific rhythm, a set of motifs and interconnected inferences, there are typological images, traumatic pathos, the author's presence via remarks and the chronotopic quality.

Key words: genre hybridity; documentary prose; documentary novel; reception; chronotopic quality; allusions; typification; traumatic pathos.

Современная художественная литература представляет собой сложное эстетическое явление, которое не всегда поддается четкой категоризации или жанровой классификации и все чаще характеризуется гибридностью жанровых форм, известной с давних времен. Очерки и мемуары, дневниковые записи и эпистолярные жанры, невольничьи повествования и записки находятся на стыке разных видов повествования. В качестве главной проблемы восприятия таких текстов на современном этапе проявляется неумение читателя принять эти новые художественные формы. Так, О. Н. Шумская точно замечает: «Возрастание амплитуды творческой энергии и гибридность жанровых форм постмодернизма привели к тому, что чем лучше мы осведомлены и больше знаем, тем меньше понимаем субъективно реконструированную реальность прочитанного, увиденного, услышанного» [1].

Произведения С. Алексиевич давно вызывают бурные дебаты, основным из которых является жанровая принадлежность ее прозы. Н. А. Сивакова выдвигает термин «новая документалистика» [2, с. 151] и в качестве художественных приемов, присутствующих в этом жанре, определяет монтаж, «медиумную» функцию автора [там же, с. 149] – или присутствие авторской точки зрения, а также особый ритм, внутренние смысловые связи, преодолевающие фрагментарность, комплекс мотивов.

Мы также представим художественные аспекты в документальной прозе С. Алексиевич в ответ на рецептивные барьеры некоторого контингента читателей. Приведем в пример историю публикации книги «Цинковые мальчики», когда текст, позже признанный специальной литературоведческой экспертизой художественным произведением, претерпел разбирательства в суде. Исковые заявления от матерей воинов-афганцев основывались на якобы «искажении» фактов афганской войны писательницей: «Матерей, несущих в себе все эти годы свое неизбывное горе, оскорбило, что их мальчики показаны исключительно как бездушные роботы-убийцы, мародеры, наркоманы и насильники, не ведающие пощады ни старому, ни малому» [3]. Дело в том, что дававшие С. Алексиевич интервью в 1989 г., видимо, не восприняли книгу как художественное произведение. «Мать погибшего офицера разошлась с писательницей в оценках советского патриотизма и его роли в воспитании молодого поколения. С обоими истцами Светлана Алексиевич встречалась несколько лет назад в процессе работы над известной книгой “Цинковые мальчики”. Оба ныне заявляют, что говорили тогда “не так”, а если и говорили “так”, как зафиксировано в книге, то сейчас передумали» [там же].

Сделанная в ходе судебного процесса экспертиза на данный момент представляется важнейшим документом, который может быть актуализирован сейчас в качестве научного обоснования художественной природы книг Нобелевского лауреата. В качестве ведущего аргумента эксперты сослались на определение понятия «документальная литература», согласно «Литературному энциклопедическому словарю». Это определение в авторстве В. С. Муравьева закрепилось и в новейших энциклопедиях: документальная литература – «художественная проза, исследующая исторические события и явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, воспроизводимых целиком, частично или в изложении»; «Качество отбора и эстетическая оценка изображаемых фактов, взятых в исторической перспективе, расширяют информационный характер документальной литературы и выводят ее как из ряда газетно-журнальной документалистики (очерк, записи, хроника, репортаж) и публицистики, так и из исторической прозы» [4, с. 234].

«Время секунд хэнд» (2013) – документальный роман, который, помимо уже ставших оригинальными авторским находками «охудожествления» фактического материала, привносит в эту последнюю книгу цикла «Голоса утопии» еще ряд новшеств, максимально приближающих документальное повествование к художественному.

Главный прием – это создание образа. По словам С. Алексиевич, здесь она вывела «отдельный человеческий тип – *homo soveticus*. ... Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет. Он – это я. Это мои знакомые, друзья, родители» [5]. Средствами создания этого многостороннего образа, но все же объединенного «постсоветским» хронотопом, являются, как и в прежних книгах, голоса повествователей, как безымянных, так и обладающих именами и отчествами, иногда – должностями и профессиями. Эти голоса, хотя и разрозненны, создают очертания образов живых, узнаваемых типажей. Автор использовала известный принцип реалистического повествования – типические герои в типических обстоятельствах. Так, например, почти архетипический пьянчужка у пивного ларька не индивидуализирован, он озвучивает картину мира через призму целого слоя общества, который вырос на нереализованных идеях и несбывшихся мечтах: *Я – человек пьющий. Почему я пью? Мне моя жизнь не нравится. Я хочу совершить кульбит немислимый с помощью алкоголя и каким-то образом перенестись в другое место. И там все будет красиво и хорошо* [6, с. 37]. Те же нереализованные идеи и несбывшиеся мечты – в основе другого типажа, секретаря райкома партии: *Советской я родилась... Наша бабушка не верила в Бога, но верила в коммунизм. А наш папа до самой смерти ждал, что социализм вернется* [там же, с. 43]. Мотив несбыточности присущ абсолютно всем образам-характерам ранней постсоветской эпохи: пенсионеры и врачи, военные и учителя, студенты и менеджеры. Их отличают идеологии и статус, но даже попытки сохранить в душе светлый образ «великой страны» не могут скрыть абсолютную правду факта: советское прошлое не дало самореализации, не оправдало самоотречения, жертвенности, оставило в сознании травму.

Пафос, или «идея-страсть» (по В. Г. Белинскому), или идейно-эмоциональное отношение писателя к изображенным социальным характеристикам – еще одна художественная составляющая романа «Время секунд хэнд». Этот пафос складывается из таких элементов, как эмотивность диалогических реплик, хронотоп 90-х или 2000-х, который напрямую связан с политической ситуацией в постсоветских странах, подбор персонажей (точнее, участников нарратива). Определения пафоса каждой части книги иногда можно найти в высказываниях самих героев: – *Путин-*

ские нулевые... Какие они? Тучные...серые...брутальные... чекистские... гламурные...стабильные...державные...православные... [6, с. 305]. Комментарий-реплики, которыми автор иногда сопровождает повествование – еще один элемент, усиливающий пафос: *вытирает слезы; ...закрывает лицо руками* [там же, с. 261]. Общий пафос всего документального романа – травматический. Воспоминания, переведенные в «голоса», усиливают ощущение «своеобразн[ого] дискурсивн[ого] и эпистемологическ[ого] паралич[а], как неспособность[и] свести воедино три критических опыта: опыт пережитого, опыт высказанного и опыт осмысленного» [7, с. 8]. Как отмечает один исследователь касательно «Чернобыльской молитвы» С. Алексиевич, «Яркость, “буквальность”, чувственность психотравмирующих воспоминаний личности интерпретируются как свидетельство того, что опыт травмировавшего события не пережит вполне, не понят, не опосредствован [8, с. 230]. Сказанное верно и по отношению к «Времени секунд хэнд». Герои выражают иногда не вызревшие идеи, сложно передаваемые чувства, соглашаются на беседу далеко не с первого раза: *Он долго не разрешал включить диктофон. Потом неожиданно сам предложил: «А вот это запишите... Тут уже – история, а не семейные конфликты – отцы и дети. Фамилию не называйте. Я не боюсь, но мне неприятно»* [6, с. 281].

Хронотопичность этого романа – та особенность, которая в меньшей степени присуща всем предыдущим произведениям цикла. С. Алексиевич упорядочивает материал по временному признаку, помещая свои «голоса» друг за другом в той последовательности, которая позволяет комментировать то или иное событие, как бы создавая вторично прожитое время: с 1991 по 2001 и с 2002 по 2012. Хронотоп также основан на художественном синтезе – отборе и редактировании материала.

Отдельным художественным приемом выступает интертекстуальность. В той части, которая «соткана» из отдельных цельных историй под заглавием «Десять историй без интерьера», присутствуют аллюзии на известные художественные произведения (миф о Медее, «Ромео и Джульетта» Шекспира, романы Достоевского, сказки, стихотворения, слова песен), Библию: *«А Медея? – спрашивала я. – Как же Медея, которая убила собственных детей ради любви?» – «Это – миф, а у вас реальные люди». Но реальность – это не гетто для художника. Это тоже свободный мир* [6, с. 454].

Как говорится в экспертной оценке «Цинковых мальчиков», «достоверность и художественность присутствуют в ней [книге] в пропорциях, позволяющих отнести названное произведение к художественной прозе, а не к журналистике» [3]. Данный вывод полностью справедлив и в от-

ношении рассматриваемого произведения. Вдобавок, если сугубо документальная литература строго ориентирована на достоверность и правдивость, то роману-документу «Время секунд хэнд» цикла «Голоса утопии», помимо монтажа, присутствия авторской точки зрения, особого ритма, комплекса мотивов и внутренних смысловых связей, присущи также типизация образов, травматический пафос, авторское присутствие в ремарках, интертекстуальные аллюзии и хромотопичность.

Библиографические ссылки

1. Шумская О. Н. Перспективы литературной антропологии в «духовном завещании» В. Изера [Электронный ресурс] // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Сер.: Філологія. 2013. № 1080, вип. 69. С. 127–134. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VKhIFL_2013_1080_69_28 (дата обращения: 15.09.2020).
2. Сивакова Н. А. Цикл Светланы Алексиевич «Голоса Утопии»: особенности жанровой модели // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, №1(82), 2014. С. 148–151.
3. Алексиевич С. А. Суд над цинковыми мальчиками [Электронный ресурс] // Библиотека электронной литературы в Формате fb2. Режим доступа: <https://litresp.com/chitat/ru/A/aleksievich-svetlana/cinkovie-maljchiki> (дата обращения: 15.09.2020).
4. Муравьев В. С. Документальное // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : НПК «Интелвак». 2001. С. 234–235.
5. У Светланы Алексиевич вышла новая книга – «Время секунд-хэнд» [Электронный ресурс] // Eurobelarus. Режим доступа: <https://www.eurobelarus.info/news/society/2013/09/18/u-svetlany-alexievich-vyshla-novaya-kniga-vremya-sekond-hend.html> (дата обращения: 15.09.2020).
6. Алексиевич С. А. Время секунд хэнд. М. : Время, 2015. 512 с.
7. Ушакин С. «Нам этой болью дышать?» // Травма:пункты : сб. статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.
8. Мирный С. Чернобыль как инфотравма // Травма:пункты : сб. статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 209–246.

БАЗОВЫЕ НАВЫКИ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

А. С. Рыбакова

Государственный социально-гуманитарный университет

Коломна, Россия

e-mail: annrybakova@gmail.com

В статье рассматриваются основные умения, и навыки, которыми должен обладать начинающий переводчик, когда впервые сталкивается с переводом текста с иностранного языка на родной; приводится анализ основных этапов процесса письменного перевода.